

*доктор филологических наук,
доцент кафедры истории
культуры и искусства
Саратовского государственного
социально-экономического
университета.*

К МЕТОДОЛОГИИ ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: С.Л. ФРАНК О ЛИТЕРАТУРЕ

Перед исследователем творчества того или иного поэта всегда стоят методологические вопросы: "Что?" и "Как?". Для постижения глубинной сути мироощущения поэта требуется обращение к той герменевтической традиции, которая представлена в трудах русских религиозных философов, посвящённых поэзии, литературе и культуре в целом. Среди имён русских мыслителей (В.Соловьёв, С.Булгаков, Е.Трубецкой, Ф.Степун, В.Эрн, П.Флоренский, Г.Флоровский, В.Зеньковский, Н.Лосский, Н.Бердяев, Б.Вышеславцев, Г.Федотов, И.Ильин, В.Вейдле, В.Иванов, К.Мочульский) особое место занимает имя С.Л.Франка. На наш взгляд, его труды, посвящённые творчеству великих русских поэтов Пушкину и Тютчеву, позволяют выработать определённую методологию раскрытия метафизики творчества поэта, духовной сущности мироощущения и его религиозных констант.

С.Л. Франк о Пушкине

Следует обратить внимание на то, что по отношению к своим работам, посвящённым русской литературе, Франк употреблял термин "литературная критика". В статье "Космическое чувство в поэзии Тютчева" Семён Франк пишет о том, что "критика" – в смысле прозаического изложения идейного содержания поэтического (в широком смысле) произведения существовала, существует и будет существовать, ибо она выполняет "...нужную и осуществимую цель. Эта цель ясна, – пишет философ, – для того, чтобы понять, осознать художественное впечатление, нужно уловить и закрепить его в понятиях. Потребность удержания, фиксирования, осмысления всех впечатлений и переживаний есть неистребимая, органическая потребность человеческого духа"¹. Следует отметить, что С. Франк использует термин "критика" в самом широком смысле слова: это и "критика" в привычном для нас значении, и поэтика, и то, что мы сейчас называем литературоведением, и теория литературы. Область интересов Франка – литературного критика - чрезвычайно широка: это, прежде всего литература XIX века, творчество таких писателей и поэтов, как Пушкин, Тютчев, Гоголь, Толстой, Достоевский. Франк писал и о писателях-современниках: у него есть работы, посвящённые Мережковскому, Блоку, Вячеславу Иванову, Ф.Сологубу.

Особо значимыми для Франка были два гения русской литературы – Пушкин и Достоевский, и именно в их творчестве Франк ищет ответы на многие мучившие его философские проблемы – в частности, на проблему теодицеи. По мысли Франка, в России наиболее глубокие, значительные мысли были высказаны не в форме систематических философских исследований, но в форме литературной. Русская литература в целом – считает Франк – пронизана глубоким философским восприятием жизни. Но эта особенность русской литературы и русского мировоззрения в целом, согласно мысли учёного, связана с тем, что русское философское мышление никогда не было беспристрастным теоретическим познанием мира, но являлось выражением поиска "живой истины", имеющей конкретно-

¹ Франк С.Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Франк С.Л. Русское мировоззрение. - СПб., 1996, С.313

онтологический характер. Этот поиск "живой истины" есть не что иное, как поиск святости. "Трудно назвать другой такой народ, – пишет Франк, – как русский, вся литература которого ещё в XIX веке была бы посвящена религиозным проблемам. Все великие русские поэты всегда были, как известно, и религиозными мыслителями или занимались богоискательством. Таков Гоголь в последний период своего творчества, таков трагический Лермонтов, таков значительный, малоизвестный на Западе поэт Тютчев (личный знакомый Шеллинга), таковы Достоевский и Толстой, таков тонкий и глубокий знаток русской религиозности Лесков, таков Глеб Успенский, замечательно описывающий психологию крестьян..."¹. Эта мысль, неоднократно в разных вариантах высказанная Франком в цикле его работ, посвящённых анализу русского мировоззрения и русской философии, воплощается и в конкретных исследованиях творчества Пушкина, Достоевского, Толстого, Тютчева и др.

В частности, цикл статей, посвящённых творчеству Пушкина, открывается работой "Религиозность Пушкина". Характерно, что сама проблема в том виде, как её ставит философ, а именно "познание общего религиозного духа поэзии Пушкина", "исследование религиозной мысли или религиозного содержания творчества поэта"² впервые столь глубоко была поставлена именно в исследованиях Франка. Из предшественников философа, обращавшихся к этой теме, мы назвали бы В.Соловьёва, давшего замечательный анализ стихотворения "Пророк"³ – "величайшего творения русской религиозной лирики"⁴. Этот ставший уже классическим анализ содержится в статье "Значение поэзии в стихотворениях Пушкина", где мы находим как методологические постулаты (так, Соловьёв пишет о том, что "настоящая пушкинская поэзия не была делом ума, а зависела от восприимчивости его души к воздействиям из *надсознательной* области..."⁵), так и конкретный анализ тех стихотворений Пушкина, в которых основополагающей является тема поэзии. Особое значение для интересующей нас проблемы имеет пристальный и глубокий разбор "Пророка". Соловьёв соотносит общий тон стихотворения, его язык, грамматический склад с Библией, обращая, однако, внимание на то, что библейские пророки (Иезекииль, Исая, Иеремия, Даниил и другие) и их пророческие откровения были связаны с историческими судьбами народов, тогда как пушкинский пророк никакого исторически-определённого призвания не имеет. "Шестикрылый Серафим", усиливая, возводя на новую, высшую ступень прежние чувства поэта, делая его духовно зорким и чутким, открывает вниманию поэта, как говорит Соловьёв, "вечное золото, которым горит всё существующее"⁶, возводит "пророка по форме, поэта по существу – в область чистой поэзии, в мир вечной и всеобъемлющей красоты, озаряющей своим сиянием всякое бытие, от ангела до гада, от движения небесных сфер до незаметно прозябающего растения"⁷. Но на высшей ступени идеально-поэтического служения, – говорит Соловьёв, – поэт видит мучительное несоответствие между красотой мироздания и безобразием человеческой действительности, и отсюда – пафос рождения мудрого и правдивого слова, которое больше слова; оно становится "чистым орудием Божьей правды"⁸. Главы, посвящённые разбору "Пророка", заканчиваются так: "Смертно-животворный процесс кончен. Избранник готов для новой жизни и для новой всепобедной деятельности. Напитанный новыми созерцаниями, умудрённый внутренним опытом, от

¹ Франк С.Л. Русское мировоззрение // Франк С.Л. Русское мировоззрение. – СПб., 1996, – С.185-186.

² Франк С.Л. Религиозность Пушкина // Франк С.Л. Русское мировоззрение. – СПб., 1996, – С.213.

³ Соловьёв В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика. – М., 1991, – С.316-370.

⁴ Франк С.Л. Религиозность Пушкина // Франк С.Л. Русское мировоззрение. – СПб., 1996, – С.220.

⁵ Соловьёв В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика. – М., 1991. – С. С.326.

⁶ Там же: С.346

⁷ Там же: С.347

⁸ Там же: С.355

сердца до языка наполненный высшею волею, он будет отныне говорить и действовать не от себя, не от своей немощи, а именем и силою посылающего его Божества"¹.

Как мы видим, даже эта краткая отсылка к идеям Владимира Соловьёва, высказанным им в процессе анализа поэзии Пушкина, показывает нам то смысловое поле духовных исканий Пушкина, которые напрямую связывают их с религиозным вектором христианской культуры. Франк продолжает эту линию русской философской и литературной критики в совершенно иную эпоху: статьи о Пушкине написаны в период с 1933 по 1949 годы; в России произошла самая сокрушительная духовная катастрофа, какую можно было бы себе представить, и в своей первой статье, посвящённой русскому национальному гению, Франк обращается именно к его религиозному сознанию.

Франк считает, что изучение религиозного сознания, религиозного мирозерцания Пушкина – тема величайшей важности в силу того, что "...это есть в известном смысле проблема русского национального самосознания"². Размышляя о религиозном мирозерцании поэзии Пушкина, Франк выделяет три основных мотива, в которых раскрывается религиозность поэта: во-первых, это "религиозное восприятие самой поэзии и сущности поэтического вдохновения"³. Именно этот аспект религиозности Пушкина был ярко раскрыт в статье Соловьёва, о которой речь шла выше. Франк замечает, что везде, где Пушкин говорит о поэзии, он употребляет религиозные термины, что религиозно-поэтическое вдохновение поэта находит своё завершение в создании истинных перлов религиозной поэзии – таких, как "Обедня отошла давно", "Люблю ваш сумрак неизвестный", отрывок "На тихих берегах Москвы", "Надгробная надпись кн.Голицыну", "Бахчисарайский фонтан", и, конечно, "в классических творениях религиозно-поэтического вдохновения: в образах Пимена и Патриарха в "Борисе Годунове", и, в особенности, в "Пророке"⁴.

Во-вторых, религиозное восприятие поэзии и поэтического вдохновения непосредственно связано, по мнению Франка, с религиозным восприятием красоты вообще и красоты природы в частности. Красота есть выявление божественного начала в природе (как, впрочем, и стихийная её сила), но Франк подчёркивает, что ощущение божественности природы не есть у Пушкина пантеизм.

Третий источник религиозного жизнеощущения Пушкина в трактовке Франка – чувство божественности любви и женской красоты, и Франк специально подчёркивает чистоту религиозно-эстетического чувства Пушкина. Все три перечисленных религиозных мотива в совокупности представляют собой эстетико-эротическую сферу (в самом широком смысле слова) поэтической интуиции Пушкина. Но религиозное восприятие действительности затрагивает и сферу нравственного сознания и нравственного очищения души – тему, необычайно важную для Пушкина.

Франк показывает, что некоторые стихотворения Пушкина ("Два чувства", "Птичка" и т.д.) дают образцы целой религиозной философии. В частности, говоря о стихотворении "Два чувства", Франк намечает контуры этой религиозной философии Пушкина, центральными пунктами которой являются духовный индивидуализм и духовная соборность. Существо духовной жизни, как показывает Франк, Пушкин видел как неразрывное единство индивидуального и соборного начал человеческого бытия, единство, которое существует "по воле Бога самого".

Центральным мотивом духовной жизни самого Пушкина Франк считает мотив духовного преображения личности. "Поэтический дух Пушкина всецело стоит под знаком духовного преображения и притом в типично русской его форме, сочетающей религиозное просвещение с простотой, трезвостью, смирением и любовным благоволением ко всему

¹ Там же: С.356

² Франк С.Л. Религиозность Пушкина // Франк С.Л. Русское мировоззрение. – Спб., 1996. – С.214.

³ Там же: С.222

⁴ Там же: С.220

живому как творению и образу Божию"¹. Этот мотив духовного преображения имеет непосредственное отношение к проблеме творческого пути поэта, который в философской мысли Франка в качестве своей глубочайшей основы являет путь духовный. Франк пишет: "Религиозный характер этого мотива духовной жизни очевиден и там, где он не выражен отчётливо словами, прослеживая точнее этот духовный путь поэта, можно было бы усмотреть, как Пушкин, исходя из изложенных отправных пунктов своей самобытной религиозности, достигает основных мотивов своей самобытной веры – *смирения и любви*. Языческий, мятежный, чувственный и героический Пушкин (как его определяет К.Леонтьев) вместе с тем обнаруживается нам как один из глубочайших гениев русского христианского духа"².

Выделение мотива религиозного преображения в качестве центрального в творчестве Пушкина необычайно важно, с нашей точки зрения, не только для познания духовного мира великого поэта, но и с методологической точки зрения – для понимания и анализа русской литературы в целом. Современное состояние литературоведения, как нам кажется, отмечено своеобразным методологическим кризисом. В частности, язык исследования зачастую становится неадекватным объекту описания, и связано это с разными, зачастую противоположными аксиологическими установками автора произведения и литературоведа. Не случайно один из ведущих современных исследователей русской литературы И.Есаулов пишет: "К сожалению, нужно признать, что истории русской литературы как научной дисциплины, которая бы хоть в какой-то степени совпадала в своих основных аксиологических координатах с аксиологией своего описания, пока ещё не существует"³. Два фундаментальных исследования Есаулова "Категория соборности в русской литературе"⁴ и "Пасхальность русской словесности"⁵ чрезвычайно важны для восстановления "аксиологического баланса". Как нам кажется, необходимо продолжить эту линию исследований анализом категории преображения в русской литературе.

Возвращаясь к работам Франка, посвящённым творчеству Пушкина, необходимо отметить, что важнейшей задачей познания не только Пушкина, но и любого писателя и поэта философ считает целостный анализ духа творца. В настоящее время существуют разные подходы к анализу текста: идейно-тематический, историко-литературный, семиотический, социологический, психологический, интертекстуальный, дискурсный, когнитивный, нарратологический и т.д. Исследователь, исходя из задач, которые он ставит перед собой, использует те или иные методы. Если нас интересует история создания произведения, мы прибегаем к историко-литературному методу, желание увидеть, как устроено художественное произведение, приводит к использованию структурно-семиотических методов и т.д. Каждый из вышеперечисленных методов "отвечает", если можно так выразиться, за определённый "феноменологический" сектор или уровень художественного текста. Но исследователь не должен ограничиваться феноменологией, необходим выход на бытийный, онтологический уровень. Именно здесь возможно приближение к постижению тайны личности и сотворённого этой личностью художественного мира; эта тайна выходит за пределы "феноменологического калейдоскопа".

Все вышеназванные разновидности анализа художественного текста, безусловно, могут стать составными частями целостного анализа духовного мира поэта или писателя, а взятые по отдельности, они имеют предел, обусловленный методологической заданностью. Анализ же духовного мира исходит из понятия Абсолюта, что делает его наиболее глубоким

¹ Там же: С.214

² Там же: С.226

³ Есаулов И.А. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия. // Евангельский текст в русской литературе 18-20 веков. – Петрозаводск, 1994, – С. 382

⁴ Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1995. – 314 с.

⁵ Есаулов И.А.. Пасхальность русской словесности. М., 2004, – 560 с.

и адекватным самой сущности художественного творчества. Тот тип анализа творчества, который осуществляет С.Франк, с нашей точки зрения, должен быть магистральным, основополагающим, ибо именно духовный мир художника является сокровенным корнем как отдельного произведения, так и творчества в целом.

Как мы уже отмечали выше, в русской гуманитарной науке существует плодотворная традиция, исходящая из тех же предпосылок, что и взыскующая духовных глубин мысль Франка. Это труды Н.Лосского, С.Булгакова, И.Ильина, К.Мочульского. Ф.Степуна. Н.Бердяева и др. Среди этих имён хотелось бы отметить малоизвестного мыслителя, ученика Н.Лосского Якова Друскина. В его системе показана методологическая иерархия анализа художественного текста, которая зависит от продвижения исследователя и читателя по "оси понимания". В своей работе "Стадии понимания" Друскин выделяет различные уровни понимания текста, и самой глубокой стадией понимания является та, на которой идёт выявление религиозно-философского, духовного содержания. Я.Друскин, анализируя творчество А.Введенского, называет некоторые из стихов поэта настоящими философско-теологическими трактатами, изложенными в поэтической форме¹.

Как мы уже отмечали, Франк называет некоторые стихотворения Пушкина "образцами религиозной философии". Это совпадение мыслей Друскина и Франка знаменательно. Но подобный анализ чрезвычайно сложен, потому что он требует от самого исследователя настройки мыслительного аппарата по некоему "духовному камертону". Франк блистательно анализирует духовный мир Пушкина, Тютчева, Гоголя, Достоевского, Толстого; раскрытие методики анализа духовного мира каждого из названных авторов могло бы стать темой самостоятельного исследования – насколько глубока, многогранна и значима мысль Франка.

Анализируя духовный мир Пушкина, Франк говорит о его многослойности, поскольку он "слагается из отдельных слоёв духовности, которые располагаются в порядке их относительной глубины – от поверхности духовной жизни вглубь"². Поверхностный слой духовного мира великого поэта Франк обозначает именем жизнерадостности, и своё выражение он находит в упоении вином, восторгами чувственной любви, музыкой, причём, по мысли философа, этот духовный слой, в свою очередь, есть сложение двух противоположных начал – гармоничности и бунтарства. Этому духовному слою противостоит другой, "психологически выражающийся в настроениях тоски, хандры, уныния и скуки"³. Характерно, что Франк подчёркивает мысль о целой пессимистической философии жизни, которую можно извлечь из этого духовного слоя. Франк пишет: "В этом пессимизме раскрывается вечная трагическая противоположность между духом и "равнодушной природой" (причём к природе относится и бесчувственная толпа, и общий уклад социальной жизни). Отсюда культ гордого одиночества, бегство из города в деревню, и общее состояние разрыва и противоборства между духовной жизнью и эмпирической реальностью"⁴. Именно в этом слое духовного мира Пушкина, по мысли Франка, открывается область чистого духа в отличие от эмпирии жизни. Но здесь – и "культ анархического начала в бытии", и "глубокое ведение мрачных демонических страстей, в которых Пушкин не уступает Достоевскому"⁵.

Эта бунтующая, дисгармоническая духовность преодолевается в третьем, самом глубоком слое духовного мира Пушкина, который определяется Франком как "область религиозного примирения и просветления".⁶ Франк пишет: "В этой сфере раскрывается глубокое, истинно русско-христианское по основным своим чертам и вместе с тем ярко-

¹ Друскин Я. С. Материалы к поэтике Введенского // Введенский А.И. Полное собрание произведений в 2 т. – Т.2. – М., 1992. – С.164 - 174.

² Франк С.Л. О задачах познания Пушкина // Франк С.Л. Русское мировоззрение. – Спб., 1996. – С.269.

³ Там же: С.270

⁴ Там же: С.270

⁵ Там же: С.271

⁶ Там же: С.271

оригинальное религиозное начало пушкинского духа. Как всё у Пушкина, оно отличается богатством разнородных оттенков, как бы догматической полнотой. Его непосредственные корни лежат в религиозном опыте, который ему даёт поэтическое вдохновение, восприятие красоты природы и женщины и эротические переживания. Оно объемлет моменты и языческой религиозности, и ветхозаветной, и магометанской. Оно сочетает чувство имманентного присутствия божественного начала в природе и человеческой душе с острым чувством трансцендентности, потусторонности... Оно достигает адекватного христианского своего выражения в таких стихах, как "Отцы пустынноики" и "Странник". И его общий и основной итог – благостное примирение с жизнью через внутреннее преображение личности, преображающее мир и дающее ощутить его божественность – есть самое адекватное выражение русского религиозного духа"¹. Многослойность духовного мира – черта, присущая не только творчеству Пушкина. В своих антропологических исследованиях Франк указывает на двойственность человеческого духа в целом, о двух его слоях – слое поверхностном и "слое, в котором человек имеет Бога в самом себе, в потаённых глубинах своего духа"². Рассматривая два типа философской и богословской мысли, которые Франк обозначает как "августинизм", сосредоточенный на глубинном слое человеческого духа, и "пелагианство", утверждающее "положительную реальность творческой человеческой воли и потому возможность и необходимость её свободного сотрудничества с трансцендентной и благодатной волей Бога"³, философ объединяет две этих духовных установки и пишет о сверхрациональном двуединстве человеческой личности. Эта двойственность слоёв, согласно мысли Франка, не есть внутреннее раздвоение человеческой личности. Эта двойственность по определению философа есть "...сверхрациональное двуединство – двойственность, всецело объята и насквозь пронизанная нераздельным единством личности, нашей "самости". Она есть двойственность слоёв в составе нераздельного единства личности"⁴. Наружный слой бытия личности - это человеческое "я", глубинный слой Франк условно называет "душой"; он есть сверхчеловеческое в человеке, он стоит как бы между Богом и "тварью", он есть божественное в человеке. Каждый из этих двух слоёв в онтологическом и психологическом порядке неоднороден, отсюда и возникает феномен многослойности. Таким образом, анализ художественного мира того или иного поэта, писателя, художника с точки зрения его многослойности становится методологически обоснованным.

Анализируя духовный мир Пушкина и других русских писателей, Семён Франк отмечает ещё одну особенность русской литературы – её психологический онтологизм, то есть интерес писателей и поэтов к человеческой душе, в глубине которой сокрыт весь космос, вся вселенная, всё бытие. Специально этой проблеме посвящены статьи Франка "Космическое чувство в поэзии Тютчева" и работы о творчестве Достоевского. "Вся лирика Тютчева, – пишет Франк, – пронизана метафизическим трепетом, который поэт ощущает перед безднами человеческой души, поскольку непосредственно чувствует тождественность её сущности космическим безднам, хаотическому господству сил природы"⁵.

Характеризуя творчество Достоевского, Франк, как и многие другие исследователи творчества великого писателя, отмечает его чрезвычайную психологическую проницательность. Но причину этого Франк видит в том, что для Достоевского человеческая душа имеет бесконечные глубины, "которыми укореняется в последних безднах бытия и непосредственно связывается с самим Богом – или же с Сатаной, – а в мгновении истинной страсти затопляется общими метафизическими силами бытия как такового"⁶.

¹ Там же: С. 272

² Франк С.Л. Реальность и человек. - М., 2007. – С. 241.

³ Там же: С.250

⁴ Там же: С.251

⁵ Франк С.Л. Русское мировоззрение // Франк С.Л. Русское мировоззрение. – СПб., 1996. – С.175.

⁶ Там же: С.175

Вектор духовных интересов русских писателей, по наблюдению Франка, идёт от психологического онтологизма к онтологизму религиозному. О Достоевском Франк говорит, что его творчество есть религиозная пневматология и, в конечном счёте, теология¹.

Мы рассмотрели некоторые общие черты русской литературы XIX века, как их понимает и интерпретирует С. Франк. Но Франк говорит не только о сходстве духовных миров русских писателей, но и об их различии, зачастую даже противоположности. В статье "Пушкин и духовный путь России" философ показывает глубочайшую разницу между творчеством Пушкина и дальнейшим путём русского сознания и русской литературы. Основная духовная, религиозно-метафизическая установка Пушкина, согласно мысли Франка, – это "установка сочувствия всему живому на земле, или, пользуясь собственным термином, благоволения"². Творчество же таких писателей, как Гоголь, Лермонтов, Достоевский, пошло по другому пути – по пути "негодования на мировое зло, обличение зла и борьбы с ним"³. Две этих противоположных духовных установки, как показывает Франк, одинаково имеют религиозную мотивировку. Но если на пути теодицеи писатель мучается "невыносимым и неразрешимым противоречием между несовершенством эмпирического мира и идеалом Божьей правды"⁴, то поэтический гений Пушкина совпадает с "духовной раскрытостью к восприятию Божественного происхождения и Божественного смысла мирового бытия"⁵. Франк считает, что весь трагизм духовного пути России определяется именно забвением этого завета Пушкина. Но диалектическая мысль Франка показывает и относительную правомерность противоположных духовных установок, о которых речь шла выше. Франк пишет: "В двуединстве дивного русского слова "правда" (как правды-истины и правды-справедливости заключено высшее единство этих двух установок: с одной стороны, всё сущее есть в своей последней глубине образ Божьей правды, требующей от нас любви и благоволящего признания; и, с другой стороны, во всём мировом бытии должна царить только Божья правда, и нестерпимо всё, что ей противоречит. Для оценки великого и благотворного значения пушкинской духовной установки достаточно одно: признания, что она есть необходимое условие, вне связи с которым установка борьбы и обличения выражается в чистое зло и теряет свою правомерность. Где борьба со злом не укоренена в приятии Божественного религиозного корня, там негодование, не просветлённое любовью, превращается в чистую злобу и ненависть, пророческое обличение становится сатанинским бунтом против мира и – в пределе – против его Творца, и совершается таинственное и жуткое, как бы химическое превращение первоначального добра в чистое зло, в бессильную и в своём бессилии тем более жестокую потугу разрушения мира. Это и есть итог пути, по которому пошла Россия, забывшая заветы Пушкина"⁶.

С.Л. Франк о Тютчеве

Исключительную методологическую ценность для исследователя, чьи интересы лежат в области философской лирики, представляет работа Франка "Космическое чувство в поэзии Тютчева". Обращаясь к характеру соотношения человека и реальности, который свойствен поэзии Тютчева, к своеобразию его мирозерцания, Франк говорит о том, что жизнь человека и природы представлена у него в категориях объективного, космического порядка. Единство художественного сознания Тютчева состоит не в том, что поэт чувствует в себе весь мир, а в том, что любое явление природы и душевной жизни воспринимается и осознаётся как проявление космической сущности объективного бытия. Как природа есть не мёртвый материал, слепок, а сложный "комплекс живых сил, страстей и чувств"⁷, так и

¹ Франк С.Л. Сущность русского мировоззрения // Франк С.Л. Русское мировоззрение. – СПб., 1996. – С.158.

² Франк С.Л. Пушкин и духовный путь России // Франк С.Л. Русское мировоззрение. – СПб., 1996. – С.275.

³ Там же: С.275

⁴ Там же: С.275

⁵ Там же: С.276

⁶ Там же: С.277

⁷ Франк С.Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Франк С.Л. Русское мировоззрение. – СПб., 1996. – С.320.

душевная жизнь человека, согласно мысли Франка, предстаёт у Тютчева "как область, входящая в порядок объективного бытия и подчинённая космическим силам"¹. Мир в поэзии Тютчева явлен как живая целостность, как органическое единство, причём каждая часть этого целого есть микрокосм, поскольку таит в своём малом мире всю бесконечность целого. Это равным образом относится и к природе, и к человеческой душе. Космический характер предметного чувства Тютчева и выражается, согласно мысли Франка, в мистическом реализме² и целостности восприятия реальности.

Подобный способ восприятия мира характеризует, по Франку, не только поэзию Тютчева, но целое направление объективной, или реалистической поэзии. Здесь следовало бы вспомнить знаменательную переключку идей Франка с идеями Вячеслава Иванова. В статье "Две стихии в современном символизме", написанной пятью годами раньше статьи Франка, Иванов различает два начала творчества: ознаменовательное и преобразовательное; первое соответствует символическому реализму (ср. термин Франка "мистический реализм"), второе – идеалистическому индивидуализму. Иванов прослеживает соотношение двух этих принципов художественной деятельности на протяжении всей истории развития европейского искусства от античности до современного ему символизма.

Принцип ознаменовательный – "принцип обретения и преображения вещи"³, принцип преобразовательный, воплощающий порыв к субъективной свободе, – "принцип изобретения и преобразования"⁴.

Итак, осознание особого места "мистического реализма", присущего "космической поэзии" (Франк), или "символического реализма" (Иванов) сближает между собой двух выдающихся мыслителей. Следует отметить также, что и Франк, и Иванов в своих интуициях подходят к тем философским и богословским истинам, о которых пишет арх. Киприан (Керн) в своей книге "Антропология св. Григория (Паламы): "...ренессанс начала века действительно возродил, сам того не подозревая, глубокие философские прозрения христианского средневековья. Этот символизм церковных писателей мог вырасти только в живой связи со всем их миропонятием, как один из аспектов их философских построений о мире. Неоднократно говорилось, что человек – микрокосм. А это значит, что он есть средоточие и связь всех вещей и явлений, т.е., что ему дано быть соотносительным всему миру, почему он и может постигать смыслы, логосы всех вещей. Это в свою очередь предполагает понимание всего мира, как гигантского органического целого, живущего своей всеединой жизнью. Люди в этом целом суть центры, соединительным звеном которых, или, лучше, фокусом этой связи является логос в человеке, как отображение Логоса Небесного, Единого, Предвечного"⁵.

Характерно в связи с этим, что Франк характеризует "космическую" поэзию в целом и поэзию Тютчева в частности как *религиозную философию* (курсив наш – С.К.). Франк пишет: "Это космическое направление, которое проникает всю поэзию Тютчева и превращает её в конкретную, художественную *религиозную философию*, проявляется в ней, прежде всего в характере *общности и вечности* её тем, предметов её художественного описания. Вряд ли найдётся другой поэт, который в такой мере, как Тютчев, направлял своё внимание прямо на вечные, непреходящие начала бытия. Времена года, день и ночь, свет и тьма, хаос, море, любовь, душа, жизнь и смерть, человеческая мысль – всё это служит у Тютчева предметом художественного описания не в их отдельных, случайных, частных проявлениях, а в их общей, непреходящей стихийной природе, всё это изображается, говоря

¹ Там же: С.320

² Там жеб С.321

³ Иванов В.И. Две стихии в современном символизме // Иванов В.И. Родное и вселенское. – М., 1994. – С.150.

⁴ Там же: С.150

⁵ Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св.Григория Паламы. – М., 1996. – С.327.

платоновским языком, не в отражённых случайных подобиях, а в вечной идеальной сущности"¹.

Блистательный анализ "религиозной философии" Тютчева в статье Франка многоаспектен и разнообразен. Исключительный интерес имеют мысли Франка о соотношении пантеистического и православно-христианского начал в творчестве Тютчева, характеристика подлинного существа пантеизма как "прозрения в самом видимом невидимого высшего духовного начала"²(325), рассмотрение разновидностей пантеизма, воплощённых в конкретных типах мирозерцания и т.д. Но мы хотим остановиться на одном моменте в исследовании Франка, который, как нам представляется, может быть положен в основу методологии анализа мироощущения как особой категории поэтики.

Говоря о способах выявления общих, непреходящих, вечных основ бытия в поэзии Тютчева, Франк выделяет два принципа воплощения художественной идеи: принцип "прямого указания", "когда в словах "зыбь ты великая, зыбь ты морская!", обращённых к картине ночного моря, нам даётся прямо почувствовать вечный, стихийный характер этой картины, или когда картина грозы тотчас же изъясняется, как проявление великих демонических сил природы..." и принцип, который мы могли бы назвать принципом "тайного единства". Франк пишет: "...к тому же результату приводят смелые, загадочные связи, с помощью которых *разнородные частные явления объединяются в целостные группы, в которых мы опять-таки ощущаем вечные идеи, великие общие стороны космического бытия*". Такие комбинации эпитетов, как "румяное восклицание утренних лучей", "поющие деревья", "гремящая тьма", "звучные волны ночи", "сны, играющие на просторе под магической луной" и т.п., суть у Тютчева не символические средства для выражения мгновенных, импрессионистически воспринятых впечатлений, а *приёмы классификации явлений, превращения разрозненных, как бы лишь случайно встретившихся моментов в необходимые, внутренне согласованные обнаружения вечных начал*". (Курсив наш – С.К.) Франк обращает внимание на те образы в поэзии Тютчева, которые невозможно объяснить при помощи логики здравого смысла, образы, вызывающие у читателя удивление и недоумение. Но, как показывает философ, эти неожиданные образы тютчевской поэзии являются элементами особой системы, сущность которой лежит не на поверхности, а в глубинных пластах мироощущения поэта. Выше мы говорили о мироощущении как системе категорий и знаков этих категорий. Можно сказать, что Франк в своём исследовании поэзии Тютчева артикулирует особую, знаковую природу некоторых внешне немотивированных элементов тютчевских стихотворений. Об этом говорит и сама терминология Франка: термин "обнаружение" (см. выше) по сути дела является синонимом термина "знак". Но и сам принцип соотношения "разнородных частных явлений" с "великими общими сторонами космического бытия" – это принцип "знакового отсыла".

Как мы видим, проанализированные нами положения, сформулированные Франком, могут стать одной из основ анализа поэтического мира того или иного поэта с точки зрения воплощения в нём категорий мироощущения, бессознательный источник которых имеет религиозный характер.

Анотація

С. КЕКОВА. ДО МЕТОДОЛОГІЇ ДУХОВНО-ЕСТЕТИЧНОГО АНАЛІЗУ ПОЕТИЧНОГО ТЕКСТУ: С.Л.ФРАНК ПРО ЛІТЕРАТУРУ

У статті розглядаються праці російського релігійного філософа С.Л.Франка. Автор статті акцентує увагу на думці вченого, відповідно до якої особливість російської літератури – це пошуки святості. Ця думка, неодноразово в різних варіантах висловлена Франком у циклі його робіт, присвячених аналізу російського світогляду й російської філософії,

¹ Франк С.Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Франк С.Л. Русское мировоззрение. – СПб., 1996. – С.325

² Там же: С.323

втілюється й у конкретних дослідженнях творчості О.Пушкіна, Ф.Тютчева. Аналіз праць С.Л.Франка, представлений у статті, дозволяє виробити методологію вивчення метафізики творчості поета, духовної сутності його світовідчуття й релігійних констант.

Ключові слова: методологія, духовно-естетичний аналіз, поетичний текст, метафізика творчості, релігійні константи.

Аннотация

С. КЕКОВА. К МЕТОДОЛОГИИ ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: С.Л.ФРАНК О ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматриваются труды русского религиозного философа С.Л.Франка. Автор статьи акцентирует внимание на мысли ученого, согласно которой особенность русской литературы – это поиски святости. Эта мысль, неоднократно в разных вариантах высказанная Франком в цикле его работ, посвящённых анализу русского мировоззрения и русской философии, воплощается и в конкретных исследованиях творчества А.Пушкина, Ф.Тютчева. Анализ трудов С.Л.Франка, представленный в статье, позволяет выработать методологию изучения метафизики творчества поэта, духовной сущности его мироощущения и религиозных констант.

Ключевые слова: методология, духовно-эстетический анализ, поэтический текст, метафизика творчества, религиозная константа.

Summary

S. KEKOVA. TO METHODOLOGY OF SPIRITUAL AESTHETIC ANALYSIS OF POETIC TEXT: S.L. FRANK ON LITERATURE

The article focuses on the works of Russian religious philosopher S.L.Frank. The author of the article concentrates on the writer's preconception according to which a peculiarity of Russian literature lies in the search of sanctity. This preconception stated by Frank more than once in different variants in a cycle of his works dedicated to analysis world outlook and Russian philosophy is incarnated in specific researches of A.Pushkin's and F.Tyutchev's creative work. Analysis of S.L.Frank's works presented in the article makes it possible to work out exploration methodology of the poet's creative work, spiritual nature of his attitude and religious constants.

Key words: methodology, spiritual aesthetic analysis, poetic text, metaphysics creative work, religious constants.